

Зауре Батаева
Вера Савельева

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Осенью 2021 года исполняется 200 лет со дня рождения одного из самых известных и признанных в мире русских писателей Федора Михайловича Достоевского. Для Казахстана это не только читаемый классик, но и человек, переживший на нашей земле очень трудные года творческой и душевной реабилитации после четырех лет пребывания в Омской каторжной тюрьме. 2 марта 1854 года бывший заключенный был зачислен рядовым в 1-ю роту Сибирского 7-го линейного батальона в Семипалатинске. В этом городе Достоевский сменил четыре адреса. 7 мая 1971 года в сохранившемся деревянном доме почтальона Ляпухина, в котором Достоевский с молодой женой Марией Дмитриевной Исаевой снимал квартиру в 1857–1859 годах, был открыт Литературно-мемориальный музей Достоевского, который в 2021 году отметил своё 50-летие.

В Казахстане многие произведения Достоевского включены в школьные программы изучения русской классики. Это рождественский рассказ «Мальчик у Христа на ёлке», первый роман писателя «Бедные люди», фрагменты автобиографической книги о каторге «Записки из Мертвого дома», роман «Преступление и наказание».

Роман «Братья Карамазовы», опубликованный частями в журнале «Русский вестник» в период с 1879 по 1880 год, получил в основном положительную реакцию читателей. Незадолго до смерти Достоевского, в январе 1881 года, он был наконец опубликован тиражом 3000 экземпляров.

Об этом самом последнем, самом объемном и итоговом произведении писателя ведут диалог наши соотечественники: **филолог, переводчик, блогер Зауре Батаева и литературовед, критик Вера Савельева.**

Зауре Батаева: Репутация романа «Братьев Карамазовых» со временем только продолжает расти. В XX веке он стал одним из самых популярных романов в мире, особенно среди философов и писателей. По воспоминаниям очевидцев, Лев Толстой перечитывал роман «Братья Карамазовы» в последний месяц перед своей смертью. Самые известные писатели в мире, такие как Франц Кафка, Джеймс Джойс и Альберт Камю, и самые знаменитые мыслители, такие как Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд, выразили свое восхищение романом.

Сочетающий философские дискуссии на высоком уровне с живым и ярким повествованием, роман «Братья Карамазовы» наиболее известен тем, что литературовед Михаил Бахтин назвал «полифонией»: противопоставлением персонажей, которые выражают идеи и мировоззрение, не только отличающиеся, но часто даже противоречащие друг другу. Особенно примечательно то, что Достоевский не осуждает эти разные голоса и не пытается убедить своих читателей в том, что один голос важнее другого, в результате чего читатели должны сами решать, кому верить, а кому нет.

В 2002 году 100 самых известных писателей из 54 стран мира участвовали в опросе по выявлению 100 наиболее значимых произведений всемирной литературы. Среди

отобранных произведений оказались четыре романа Достоевского, в том числе «Братья Карамазовы».

А как насчет простых читателей? Должны ли обычные читатели по-прежнему читать роман «Братья Карамазовы» в XXI веке? Как насчет школьников? Как насчет студентов университета? Я задала эти вопросы Вере Владимировне Савельевой, одному из ведущих литературных критиков Казахстана, доктору филологических наук, автору четырех монографий по литературоведению, которая более 40 лет читает и анализирует романы Федора Достоевского.

Вера Владимировна, расскажите о Вашем личном опыте чтения «Братьев Карамазовых». Помните ли Вы первое знакомство с романом и первое впечатление о нем? Сколько раз перечитывали его? Изменилось ли Ваше понимание книги с течением времени?

Вера Савельева: Я прочла роман в год окончания школы. И это было мое первое знакомство с Достоевским. В те годы он не был включен в школьную программу, а я собиралась поступать на филологический факультет и решила, что надо прочесть что-то из Достоевского. В нашей домашней библиотеке оказались только «Братья Карамазовы» – дешевое издание: две книги на газетной бумаге и в желтых матерчатых обложках. Роман меня поразил. Я как будто увидела все, что произошло в маленьком уездном городке. Для меня было важно, что этого писателя я открыла сама.

Были две причины, по которым Достоевского не изучали в школе. Во-первых, мнение Владимира Ильича Ульянова-Ленина, который высоко ценил «Записки из Мертвого дома» («непревзойденное произведение русской и мировой литературы»), но назвал Достоевского «архискверным» за его романы «Бесы» и «Братья Карамазовы» («пахучие произведения»). Хотя следует добавить, что тот же Ленин включил Достоевского в список тех 20 писателей, которым было решено установить памятники после революции (он назван вторым, после Толстого). Во-вторых, мнение Максима Горького, который в своей речи на I съезде писателей в 1934 году обрушился с критикой идеи врачующего страдания в творчестве Достоевского. После этого Достоевского в СССР перестали переиздавать, и только в 1956 году вышло собрание его сочинений.

В Казахском государственном университете нам читала спецкурс по творчеству Достоевского замечательный ученый, доцент Нина Константиновна Савченко, и я писала у нее курсовую, а потом и дипломную работу по последнему роману писателя. Это было уже начало 1970-х годов, но запомнился интересный факт, как со мной серьезно беседовал преподаватель истории КПСС, предостерегал от увлечения Достоевским и советовал сменить тему научной работы. Поступив в аспирантуру Ленинградского университета, я хотела продолжить свою тему. Меня поддержал профессор Григорий Абрамович Бялый, который, однако, назвал «безумием» мое желание заниматься символикой в романе «Братья Карамазовы». На мое счастье, в это время вышла монография Алексея Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство». Ссылка на это издание помогла нам обосновать актуальность направления научного исследования.

Как вы поняли, я читала и перечитывала роман много раз. И в разные периоды жизни отдавала предпочтение одному из братьев: в юности меня поразил интеллект Ивана Карамазова, потом захватили страсти Мити, а увлечение фильмами Андрея Тарковского («Андрей Рублев», «Солярис») заставило по-новому оценить Алешу Карамазова. Еще позже, когда на рубеже веков наступила эра криминала и детектива, я с особым интересом перечитывала 12-ю книгу «Судебная ошибка», где даны яркая сатира на следствие, суд, действия защиты, поведение присяжных, свидетелей и анализ психологии преступления, которая представлена как палка о двух концах. Я убедилась, что в разные периоды моей жизни роман «Братья Карамазовы» как бы отвечает на те вопросы, которые передо мной возникают. Сейчас мы живем в той ситуации, которая описана в «поэме» Ивана «Великий инквизитор». При этом важно даже не то, кого считать этим инквизитором, а как сейчас люди выбирают «чудо», «тайну» или «авторитет».

Возвращаясь к вашему вопросу о первых впечатлениях, добавлю, что в момент первого прочтения у меня было два вопроса к автору: почему он посвятил роман жене Анне

Григорьевне Достоевской, и второй – что значит эпитафия к роману: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»? С тех пор я прочла и стараюсь читать разные работы по творчеству Достоевского, но окончательного понимания смысла эпитафии так для себя и не определила. Значит – стоит перечитывать роман еще.

Зауре Батаева: Я училась в казахской школе, поэтому мое первое знакомство с романом произошло на втором или третьем курсе университета. Честно говоря, тогда я содержание и структуру романа не поняла, не понимала бесконечные философские отступления и почему нужно было так долго ждать завязки романа. Одним словом, он мне показался тяжелым и скучным. Перечитав «Братьев Карамазовых» лет через десять, я, наконец, начала вникать в философские размышления главных героев и впервые оценила, какое это совершенное во всех отношениях произведение. Желание возвращаться к книге меня с тех пор не покидало. Я ее недавно опять перечитала и получила огромное удовольствие. Вы защитили кандидатскую диссертацию по роману «Братья Карамазовы», преподавали литературу в университете почти 40 лет. Как Вы пытались его объяснить своим студентам, на чем акцентировали их внимание?

Вера Савельева: Должна признаться, что в университетах мне не пришлось читать курс второй половины истории русской литературы XIX века, куда входит творчество Достоевского. Сначала об этом жалела, но потом поняла, что не стоит. Это такой богатый на объемные романы период, что аудиторных часов на все не хватает. И в прежние времена редко кто из студентов прочитывал последний роман Достоевского, а в наше время хорошо, если прочитаны «Преступление и наказание» и «Идиот».

Согласна с вами, роман очень сложный по структуре. Если бы я рассказывала о нем сегодня, то начала бы с задания: «Откройте оглавление, иначе содержание, романа представьте, что это целый поезд SMS, которые вам посылает автор!». В романе четыре части, и каждая состоит из трех книг – всего 12 книг и эпилог. Все книги и главы в книгах имеют заглавия – это 106 коротких фраз! Это очень необычно для романов Достоевского, во многих из которых совсем нет внутритекстовых заглавий (например, в «Преступлении и наказании», «Идиоте»).

Есть заглавия информативные, есть смешные, есть таинственные, есть афоризмы, есть вариативные заглавия. Например, «Надрыв в гостиной», «Надрыв в избе», «И на чистом воздухе», «Хождение души по мытарствам. Мытарство первое», «Мытарство второе», «Третье мытарство». Достоевский любит такие заглавия-триады. Кстати, слово «надрыв» обычно в переводах романа транслитерируют, оно плохо переводится на другие языки. «Мытарство» – это тоже очень важное слово, и содержание, которое в него вмещает автор, требует комментария. Я предполагаю, что так, комментируя эти SMS, то есть короткие сообщения Достоевского читателям, можно постараться пробудить интерес студентов к объемному роману. Может, их зацепит какая-нибудь из 106 эсэмэсок, и они нырнут в бездны и небеса Достоевского.

Зауре Батаева: Раз уж речь зашла о переводах, не будет лишним упомянуть, что американские переводчики Ричард Певир и Лариса Волохонская в новой версии романа «надрыв» перевели как *strain*. Многие считают, что этот вариант лучше, чем *laceration* в переводе Констансы Гарнетт или *crack-up* в переводе Дэвида МкДаффа. Читая новый перевод Певира и Волохонской, я подумала, что слово *hysterics* в современном английском вполне могло бы охватить смысл этого слова. Дэвид МкДафф в своих комментариях к переводу «надрыва» не исключал возможности использования *hysterias*.

А разделение романа таким образом, безусловно, сделало бы его менее пугающим. Нам в университете он был преподнесен как сложное и понятное лишь немногим смертным произведение. Надо признать, что написать академическую статью о романе было бы непростой задачей для многих, потому как нужно собрать и обработать очень много информации. Но как обычный читатель, читая «Братьев Карамазовых» линейно, от начала

и до конца, я обнаружила, что роман гораздо менее сложен, чем принято полагать, или как преподносится некоторыми академиками, особенно потому, что язык ясный и простой. Вы бы согласились с таким мнением?

Вера Савельева: Вы прекрасно понимаете, что любой перевод – интерпретация. Слово *hysterias* фактически становится диагнозом. А надрыв – это слово-образ. Профессор Ефим Эткинд, исследователь поэзии и стиха, написал небольшую статью о Достоевском, которую назвал «Слово как сюжет у Достоевского». В ней он отмечал важность для писателя внутренней формы слова. Слово в его стиле обрастает фонетическими сближениями (в лингвистике это называют паронимазией) и новыми смыслами. Так, слово «надрыв» связано с глаголом «надорваться» и одновременно – это «нарыв», который прорвался, и «разрыв» отношений или «взрыв». Переводчики все это знают, и их труд заслуживает огромной благодарности.

Я тоже думаю, что язык Достоевского ясный и даже соответствует ритму нашего времени: нервный, эмоциональный, спонтанный. И не стоит пугать студентов и заранее предупреждать о сложности текста. Владимир Набоков написал, что у читателя Пушкина «увеличиваются легкие в объеме». Чтение Достоевского – это гимнастика для души и ума. Например, Альберту Эйнштейну принадлежит утверждение, что Достоевский дает ему больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс. Замечу, что Эйнштейн родился в тот год, когда начал печататься роман «Братья Карамазовы».

Зауре Батаева: Мой следующий вопрос о школьниках. Как Вы полагаете, следует ли включать эту книгу в школьную программу? Чтение 900-страничного романа – не слишком ли много для учеников средней школы XXI века?

Вера Савельева: Я считаю, что этот роман не стоит включать в школьную программу. Но в XIX и начале XX века отдельные главы из романа входили в круг детского чтения. Это эпизоды, связанные с семьей Илюши Снегирева и другими мальчиками. Многие из таких пронзительных историй входят в десятую книгу, которая названа «Мальчишки», и в последнюю главу эпилога «Похороны Илюшечки. Речь у камня». Достоевский – тонкий знаток детской психологии, он пишет об очень злободневных вещах: о детской жестокости, о насилии, об отношениях с родителями, о силе, озлобленности и бессилии ребенка и подростка в мире взрослых. Может, поэтому имеет смысл включать эпизоды из романа в программу внеклассного чтения, как включают в нее эпизоды из романа Виктора Гюго «Отверженные». Многие помнят такие детские книжки, как «Козетта» и «Гаврош».

Зауре Батаева: Михаил Бахтин назвал Достоевского великим художником идеи. Мои следующие вопросы о некоторых философских идеях, обсуждаемых в книге, и их актуальности для читателей XXI века. Одна из основных тем в романе – привлекательность дебоширства и разврата: пьянство, азартные игры, вечеринки и прелюбодеяния. На протяжении всего романа отец семьи Карамазовых Федор Павлович и два его старших сына Дмитрий и Иван утверждают, что всех людей привлекает разврат. Сложно определить, что думает о разврате автор книги или рассказчик, но нельзя отрицать, что этот роман от начала до конца полон разврата. То есть он с таким же успехом мог бы быть написан в наше время. Как Вы смотрите на отношение Достоевского к развратникам в этом романе? И может ли отношение писателя помочь нам понять произведения и фильмы XXI века, в которых также полно порочных людей?

Вера Савельева: Начну с того, что городу, в котором происходят события, Достоевский дает вымышленное, но говорящее название – Скотопригоньевск. Оно звучит как приговор и, по-моему, содержит в себе элемент скрытой авторской оценки происходящего. Достоевский вводит в роман ряд других самооценок, которые дают себе Карамазовы: сладострастники, пауки, тараканы, насекомые, подлецы. «Разве я не клоп, не злое насекомое?» – говорит Дмитрий Карамазов. В романе много других образных самооценок и слов, которые объ-

ясняют сущность карамазовщины и Скотопригоньевска: зверь, сладострастное насекомое, клоп и злой тарантул, паук, «поле, загаженное мухами», «лакомство», «цветочки польдековские», «укус фаланги», «пороссячи штучки». Один из критиков конца XIX – начала XX веков объединил свои статьи о романе в книгу, которую назвал «Царство Карамазовых». В ней он описал все пороки этого царства, которыми в той или иной мере заражен каждый персонаж романа.

Описывая родоначальника Федора Павловича Карамазова – «злого шута», развратного нахала («безобразничать с женским полом любил не то что по-прежнему, а даже как бы и отвратительнее»), алчного («он развил в себе особенное умение сколачивать и выколачивать деньги»), любящего выпить и спаивать других («вскорости он стал основателем по уезду многих новых кабаков»), равнодушного к судьбам сыновей отца, – автор укрупняет его фигуру через ряд портретных деталей. Роман лежит рядом, и я позволю себе процитировать это описание:

«Я уже говорил, что он очень обрюзг. Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствовавшее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирненьком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что придавало ему какой-то отвратительно сладострастный вид. Прибавьте к тому плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов. Он брызгался слюной каждый раз, когда начинал говорить. Впрочем, и сам он любил шутить над своим лицом, хотя, кажется, оставался им доволен. Особенно указывал он на свой нос, не очень большой, но очень тонкий, с сильно выдающеюся горбиной: “Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка”. Этим он, кажется, гордился».

Так входит в роман историческая параллель – тема позднего Рима, который погряз в разврате. В определенной мере эта параллель, по-моему, актуальна и для нашего времени.

Дмитрий Карамазов, старший сын, чувствует себя носителем идеала содомского. (Напомню, что Содом и Гоморра – два города в Ветхом Завете, которые были уничтожены за разврат и грехи.) Дмитрий своим именем тоже связан с античным язычеством. Он цитирует стихотворение Шиллера «Элевзинский праздник», прославляет Цереру (это римский вариант богини Деметры) и одновременно мечтает об идеале Мадонны. Для него важна как ситуация погребения в разврат, так и мечта о выходе из него.

В романе разврат физический тесно связан с развратом нравственным и интеллектуальным, носителем которого становится средний брат Иван Карамазов. Для нас понятна этимологическая символика фамилии Карамазовых («черномазовы»). Именно Иван приводит на страницы романа черта (глава «Черт. Кошмар Ивана Карамазова»), толкает Смердякова на убийство, смеется над «бесенком» Лизой (глава «Бесенок»). Он допускает убийство отца и произносит фразу: «Один гад съест другую гадину».

Тема разврата в последнем романе Достоевского представлена на разных уровнях и превосходит литературу натурализма, модернизма, имморализма и криминальное чтиво XX и XXI веков, которое пошло по линии визуализации и даже эстетизации разврата. Последнему очень способствует кино, в котором изображение разврата часто становится самоцелью. В отличие от авторов многих книг и фильмов Достоевский, на мой взгляд, удивительный оптимист и идеалист. Опыт четырех лет каторги и широкое знание криминального фона России и Европы не рассорили его с человечеством. Митя Карамазов, копясь в порывах своей души, говорит о «шпионах сердца человеческого». Достоевского можно назвать одним из таких «шпионов», который старается отыскивать улики добродетели в каждом из своих персонажей.

Зауре Батаева: Вторая философская проблема древняя, но она приобрела новую актуальность в России XIX века, особенно после освобождения крепостных в 1860-х годах, в период, когда происходит действие романа Достоевского. Проще говоря, философская проблема заключается в следующем: если/когда люди свободны, что они должны делать со своей свободой? Старец Зосима, который является главным представителем православной церкви в романе, утверждает, что большинство людей, ведущих нерелигиозный образ жизни, не являются по-настоящему свободными. Поскольку нерелигиозные люди постоянно преследуют свои собственные желания и амбиции, и поскольку эти желания и амбиции бесконечны – никогда не могут быть полностью удовлетворены, люди навсегда застревают в рабской жизни, а не в свободе. Старец заявляет, что для того, чтобы быть по-настоящему свободным, люди должны заниматься религиозной практикой и устранять свои желания и амбиции как из своего разума, так и из своего тела. Взгляд Зосимы – это философский взгляд, который можно найти во многих, возможно, даже во всех религиях мира. Однако роман Достоевского ясно показывает, что кроме монахов никто не может или не хочет отказаться от всех своих желаний в жизни.

Если полная свобода и гармония недостижимы, то как люди управляют бесконечными желаниями и амбициями, которые возникают в их головах? Это проблема, с которой большинство людей сегодня все еще борются. Есть ли персонажи в романе Достоевского, которые могли бы показать нам, как мы можем лучше управлять своей жизнью в этом отношении?

Вера Савельева: Начну с размышлений по поводу последнего вашего вопроса. Конечно, в романе «Братья Карамазовы» можно найти все, но мне кажется, что проблема бесконечных желаний и амбиций – это скорее проблема «Фауста» или «Анны Карениной». В «Фаусте» она доведена до трагифарса, а в «Анне Карениной» показана самоубийственность пресыщения от удовлетворения желаний.

Достоевский не призывает вообще отказываться от желаний, для него важнее другое – надо уметь остановиться, умерить «безудерж» (карамазовское слово) желаний! Все герои Достоевского рано или поздно после взлета страстей, идей и желаний приходят к покаянию, смирению, желанию страданиями искупить свою и общую вину. Но это всегда достигается личным жизненным опытом, а не религиозным учением. Ориентиром для самого Достоевского стала личность Христа. Как будет жить Раскольников, Аркадий Долгорукий, Митя Карамазов или Алеша, писатель нам не показывает (хотя и обещает), для него важно убедить читателя вовремя остановиться и по-человечески воспользоваться дарованной ему СВОБОДОЙ.

Теперь обратимся к вопросу о свободе. Интересно, что вы связали ее с фактом отмены крепостного права. Конечно, юридическая и финансовая свобода очень важны, и Достоевский прекрасно понимал это, но видел проблему с разных сторон. Четырехлетняя каторга научила его ценить свободу передвижения и личного пространства. Он признавался, что одним из самых тяжелых испытаний были невозможность остаться одному, читать и запрет писать. Позже он смог делать краткие записи в так называемую «Сибирскую тетрадь», которая хранилась у фельдшера омского военного госпиталя.

Тема денег – одна из важных тем творчества Достоевского – тоже тесно связана у него с темой свободы. Один из современников приводит его фразу: «Деньги – это чеканенная свобода». Вообще ценность творчества Достоевского в том, что он не умозрительный гений. Даже то, что вы называете философской проблемой, у него не первично, а вырастает из живой жизни людей. Он понимал свободу как дар, как обязанность и как право выбора, которые даны человеку. Об этом говорят такие антагонисты, как Зосима и Великий инквизитор. Именно за эти идеи Достоевский так ценил роман «Дон Кихот», в котором есть знаменитый монолог рыцаря о свободе, адресованный своему оруженосцу.

Зосима вовсе не рупор идей Достоевского, но он антагонист Великого инквизитора. Шестая книга названа «Русский инок». Она включает житие старца, который прожил долгую жизнь, ошибался, жил страстями и сделал свой выбор. Перед уходом из жизни Зосима велит Алеше уходить из монастыря в мир, даже ожениться, работать, жить среди людей,

«в горе счастье искать». Так что свобода по-Достоевскому – это вовсе не занятие религиозной практикой. Его интересует свободный человек, живущий среди людей, и поэтому его роман будет интересен читателям разных эпох и национальностей.

Зауре Батаева: Согласна с вами. В романе много обаятельных персонажей, но они склонны к преувеличению, а иногда даже токсичны. Их слова и действия для меня не являются образцом, наоборот, служат как предупреждающие знаки. Алеша Карамазов, который переносит аскетические ценности монастыря в мир, возможно, является идеальным персонажем, образцом для подражания для читателей романа. Но а как насчет многих персонажей, мужчин и женщин, богатых и бедных, которые поработаны не только определенными желаниями, но и эмоциями в целом? Мне кажется, что многие из героев Достоевского являются такими же рабами своих желаний, навязчивых идей и эмоций, как главные герои «Фауста», Анна Каренина и мадам Бовари. Возможно, единственный момент, когда одержимые персонажи Достоевского используют свою свободу или действительно свободны, – это когда они раскаиваются, когда понимают, что сделали что-то не так. Вы бы согласились с этим мнением?

Вера Савельева: Кто-то сказал о мире Достоевского, что его герои как будто освещены молнией. Сам Достоевский определил свой метод как реализм в высшем смысле (правда, до сих пор это по-разному понимают). Сегодня писателя называют «фантастическим реалистом», «жестоким реалистом», пишут о его «христианском реализме», «метафизическом реализме». Вы называете его героев «одержимыми» и «рабами своих желаний», другие – делят их на психопатов, невротиков, шизофреников, называют маргинальными типами. Как и вы, Зауре, все хотят объяснить особенности художественной антропологии писателя, то есть его понимание и изображение человека. И на этом пути привлекаются методики всех наук: этики, философии, медицины, психологии, психоанализа, социологии, персоналогии, эстетики. Ясно одно, что Достоевского интересует человек в моменты пика его роста (физического, душевного и духовного) или в моменты кризисных состояний. А тогда все мы «токсичны» и нетолерантны. Разумихины (персонаж «Преступления и наказания») Достоевскому не интересны. Такие пики роста не могут длиться долго, поэтому время в произведениях Достоевского всегда сжато, но насыщено электричеством внешних и внутренних событий.

Зауре Батаева: Третья философская проблема, представленная в книге, – это проблема, которая впервые привлекла внимание общественности в XIX веке и остается актуальной и сегодня: как могут люди, которые больше не верят в Бога, отличать добро от зла? Что характерно в романе Достоевского и, возможно, даже демонстрирует предвзятость писателя, так это то, что взгляд атеиста защищают развратники – семья Карамазовых. По моему мнению, поскольку Бога не существует, «все позволено», под чем подразумеваются обман, предательство и даже убийство. Это, кажется, крайняя точка зрения, которая не понравится многим атеистам и агностикам. С другой стороны, роман также предлагает очень современную альтернативу: осуществление верховенства закона, основанного на решениях, вынесенных судом. Как Вы думаете, роман Достоевского предлагает нам только два варианта? Либо мы ищем моральное руководство в религии или, если мы не хотим знать, что правильно, а что неправильно, мы просто следуем принципу верховенства закона?

Вера Савельева: Проблема добра и зла стояла всегда. Почему сейчас так полюбили фэнтези? Я думаю, потому, что там эти два начала персонифицированы. Победить зло – это значит победить носителей зла. Это непросто, но возможно. И читатель или зритель испытают катарсис. А как быть в жизни, где зло и добро присутствуют в каждом человеке, в каждом государстве, в мире живой и неживой природы? Возможность различить, назвать зло и добро – это приоритет свободного человека. Категория Бога в этой ситуации важна не для того, чтобы отличать добро от зла. Тут человеческая казуистика

выточилась как бритва, и каждый будет доказывать, что или «добро должно быть с кулаками», или надо противостоять злу ненасилием. Категория Бога и для атеиста, и для верующего связана с идеей возмездия, а значит – страхом. Если Христос есть любовь, то Бог вершит наказание. А может, и дарует бессмертие. Даже носитель карамазовского зла Федор Павлович боится наказания и хотел бы, если возможно, похлопотать о своем бессмертии.

В таком случае удобно обвинить Бога в том, что он допустил зло по отношению к безвинным детям и даже возвратил ему билет в бессмертие, как провозглашает брат Иван. Но тогда и терять нечего, можно провозгласить: «Все позволено». В фантастическом рассказе «Сон смешного человека», написанном до романа, герой восклицает: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». В романе Грушенька рассказывает легенду о луковке, из которой следует, что одно доброе дело может перевесить большое зло. В XX веке известный японский писатель Акутагава Рюноске тоже использовал сюжет этой легенды при написании своего рассказа «Паутинка».

Если возможно, то я бы хотела, чтобы читатели прочли легенду сейчас:

«Жила-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в озенное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы богу сказать. Вспомнил и говорит богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и начала она их ногами брыкать: “Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша”. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел».

В своих поучениях Зосима утверждает, что семена добра сеются с детства. Любое доброе детское воспоминание убережет человека. Эта та луковка, за которую он может в жизни ухватиться. Это важнее, чем религия. Не религия, а сам человек должен одолеть зло в себе. А в верховенстве закона Достоевский сомневался, хотя зла на осудивших его не держал и всегда признавал, что каторга многому его научила. Повторю, что в романе 12-я книга «Судебная ошибка» свидетельствует о несовершенстве суда земного. Коротко ответить на ваш вопрос можно так: надо побеждать зло в себе, «были бы братья, будет и братство», как написано у Достоевского. Религия и закон даны в помощь человеку на этом пути.

Зауре Батаева: В романе есть два типа персонажей: безмолвный и театральный. Все монахи, включая таких учеников, как Алексей, относятся к молчаливому типу. Их молчание – это результат религиозной практики, медитации и молитв. Монахи в романе – единственные взрослые, заслуживающие доверия, а другим взрослым нельзя доверять. Настоящие носители зла, Иван Федорович и его незаконнорожденный сводный брат Смердяков, тоже молчаливого типа. Они скрывают свои действия и истинные намерения от всех. Большинство же взрослых в романе не молчаливые, а театральные. Они выражают себя через громкую речь, дикие жесты, слезы и смех. Эти взрослые также скрывают свои истинные намерения, но по крайней мере они веселые, занимательные.

Как представитель другой культуры, я нахожу характерные различия, созданные Достоевским в этом романе, очень русским взглядом на людей. Вы бы согласились? Или смотрите на это иначе? Более того, являются ли эти различия полезной моделью для наблюдения и понимания людей сегодня?

Вера Савельева: Я не буду спорить, но выскажу свое восприятие героев романа. Мне кажется, что все персонажи очень говорливы, хотя могут до поры до времени молчать. Вот Иван, о котором Дмитрий говорит, что он «сфинкс», «молчит», а вы называете его персонажем «молчаливого типа», встречается с младшим братом Алешей и в трех главах пятой книги говорит очень много и обо всем. Тот же Смердяков в книге «Брат Иван Федорович» наконец разговорился во время трех визитов к нему Ивана. Алеша записывает рассказы Зосимы и получается целая шестая книга в романе. Алеша хорошо слушает, но тоже постепенно начинает говорить с братьями, с Лизой, с мальчиками, а его речь у камня в конце романа – это своеобразное завещание Достоевского. Он как раз и говорит о том, что одно доброе воспоминание объединит их. Исследователи творчества Достоевского подчеркивают, что его герои живут в словах. Их монологи абсолютно искренни. Обычно люди говорят только часть из того, что думают или могут передать словами. У Достоевского герои говорят ВСЕ. Они не могут молчать. Их слово образно, афористично. Но важно еще и другое – их речь формируется в диалоге. Они умеют слушать друг друга и откликаются не только на произнесенное, но и на произнесенное слово. Михаил Бахтин выделил внешний и внутренний диалог в речи героев Достоевского. Когда Иван обрывает Алешу и произносит, что он этого не говорил, Алеша отвечает: «Ты говорил, когда оставался один».

Театральности в поведении персонажей действительно много. Не случайно братья Достоевские с юности очень увлекались Шиллером, готовили переводы его произведений, а семилетняя дочь Достоевского подробно описала, как отец читал им «Разбойников» Шиллера. Вячеслав Иванов не случайно определил жанр романов Достоевского термином «роман-трагедия»: в основе их сюжетов лежит катастрофа, и они наполнены театральными сценами, монологами и диалогами.

Какую роль национальный элемент играет в характерах героев Достоевского? Немного перестрою вопрос: что важнее, судить по героям Достоевского о «русском типе» или видеть в них общечеловеческие типы? Конечно, «Братья Карамазовы» – это прежде всего русский вариант семейной саги, но она рассказана как одна из ветхозаветных историй семейной вражды или как миф об отцеубийстве. Этому способствует огромный интертекст, который привносит в роман писатель. Ведь Достоевский, по определению одного из исследователей, был «гениальным читателем», который круг своего чтения вводил в свой текст. Мне кажется, что национальный вариант вечного сюжета интересен, но и близок читателям других культурных регионов.

Зауре Батаева: Наконец, я хотела бы вернуться к характеристике романа, наиболее известной среди писателей и литературоведов: это полифония разных голосов и идей. Некоторые критики считают, что, не осуждая эти идеи, не решая за читателей, какие идеи считать правильными, а какие ошибочными, Достоевский пытался создать демократический форум в своем романе, своего рода форум, которого не было в реальной жизни в России XIX века. Что Вы думаете о полифонии Достоевского?

Вера Савельева: По-моему, в современной интерпретации тезис Михаила Бахтина о полифонизме в романах Достоевского как-то естественно соединили с тезисом Ролана Барта о смерти автора. Получился такой постмодернистский микс: есть полифонизм равноправных голосов героев – значит, автор умер. Но Бахтин ведь размышляет и об особых формах авторского присутствия в произведениях Достоевского и об особых формах взаимодействия «своего» и «чужого» слова в речевом потоке романов.

Демократия в романах Достоевского, безусловно, есть. Этим они отличаются от диктатуры в романах Льва Толстого. Но одновременно любой «демократический форум» героев Достоевского часто заканчивается скандалом. В шутку замечу, может, это чисто русский вариант? Хотя и не только русский. Все помнят, что в основе раскола ислама тоже лежит семейный скандал и вражда.

Бахтин заставил всех поверить в равноправие и неслиянность голосов героев Достоевского. И это вошло в кровь современного достоевсковедения. Но вопрос о позиции самого автора, который скрывается то за рассказчиком, то за «хроникером» и

очевидцем, как в «Братьях Карамазовых», остается. Один из исследователей романов Достоевского написал, что герои каждого из них как бы начинают строить Вавилонскую башню, которая к концу романа опять разрушена. Видимо, в его произведениях больше вопросов, чем ответов.

Пользуясь случаем, хочу напомнить, что 2021 год юбилейный для Федора Достоевского – 200 лет со дня рождения, 140 лет со дня смерти. И новые читатели смогут в очередной раз осознать актуальность его романов.

Зауре Батаева: «Классика – это те книги, о которых обычно говорят «я перечитываю...» – сказал Итало Кальвино в своей книге «Зачем читать классику?». Как Вы думаете, почему нужно перечитывать классиков, и каких классиков Вы бы порекомендовали периодически перечитывать?

Вера Савельева: Понятие «классика» сейчас довольно широкое: достаточно просмотреть каталог изданий серии «Азбука-классика». Назову три причины, по которым это полезно делать: обогащаешь свой язык; удивляешься, как мало изменяется человек; понимаешь, как ты сам меняешься со временем. Советую принять программу минимум: за год перечитать одного классика и обязательно добавить одну непрочитанную ранее книгу другого классика. Например, перечитали роман «Братья Карамазовы», а теперь прочтите «Сагу о Форсайтах». Обязательно рекомендую включать в свои читательские планы поэтические сборники: например, сонеты Шекспира и сборник стихов Николая Гумилева. Это будет очень стильно, если две выбранные книги целый год будут лежать на вашем столе, и вы будете время от времени в них заглядывать и прочитывать по несколько страниц! Советую не лениться и отмечать карандашом интересные фразы, описания, наблюдения. Вам будет о чем поговорить с другим человеком и о чем подумать наедине с собой. Поскольку чтение – это индивидуальный опыт, то, перефразируя высказывание Иосифа Бродского, выбор для чтения классики – это «форма защиты от порабощения».

